

РОБЕРТ СИЛИ (1834-1895)

John Robert Seeley

Самая известная книга этого теолога, историка, и профессора Лондонского университета (University College, London) – курс лекций "Английская экспансия" (*The Expansion of England*, 1883). Книга быстро стала бестселлером (в первые два года было продано 80 тысяч экземпляров). Знаменитые слова из этой книги: "Англичане покорили и заселили полсвета, как бы сами не отдавая себе в этом отчёта" ("We seem to have conquered and peopled half the world in a fit of absence of mind"). Тем не менее, Роберт Сили¹ считал Британскую империю венцом исторического развития человечества. Он был убеждён, что английское завоевание Индии пошло индийцам на пользу.

Русский перевод: Сили, Джон Роберт. "Британская империя. Разделяй и властвуй!" М., Алгоритм, 2013. См. также: Русский перевод: Сили, Джон Роберт. "Расширение Англии", 1903.

"БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ. РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ!"

Я твёрдо держусь того принципа, что история должна преследовать практическую цель. Другими словами, она должна не только ознакомить читателя с прошлым, но и выработать его взгляд на настоящее и его представление о будущем. Если этот принцип правилен, то изучение английской истории должно представлять в таком виде общую тенденцию всех событий, чтобы дать нам возможность мыслить о будущем и предугадывать предназначенную Англии судьбу.

Так как будущее вырастает из прошлого, история прошлого Англии должна заключать в себе пророчества относительно её будущего.

До сих пор вы заучивали имена королей, даты битв и войн и т. д.. Настаёт время, когда вы должны задать себе вопрос: для чего изучалось всё это? Для какой практической цели собраны и запечатлены в памяти все эти факты? Если они не ведут к великим истинам,

¹ Обычно, англичане называют людей по первому имени, а последнее имя – это фамилия. Среднее имя употребляется для различения похожих имён, например: Джон Генри Смит и Джон Питер Смит. Но некоторые люди предпочитают, чтобы их называли по их среднему имени.

имеющим практическое значение, то история – это не больше, как забава, и едва ли она может стать в ряду с другими науками.

Всякого, кто долго занимался историей, преследует идея развития и прогресса. Мы непрерывно движемся вперёд – и каждый в отдельности, и все вместе. История последних столетий подтверждает тот взгляд, что историческое развитие прогрессивно, что оно ведёт нас к чему-то лучшему.

В каком же направлении, к какой цели подвигалось в своём историческом развитии английское государство? В ответ на этот вопрос приходят на ум слова: "свобода" и "демократия". Свобода, несомненно, представляла главную черту, отличавшую Англию от континентальных государств, но свобода для Англии была не столько целью, к которой она стремилась, сколько достоянием, которым она давно уже пользуется. Существует также распространённое мнение о том, что в новейшей английской истории сказалось стремление к демократизации – стремление, благодаря которому сначала средний класс, а потом постепенно и низшие классы получали долю влияния в общественных делах.

Англичане покорили и заселили полсвета, как бы сами не отдавая себе в этом отчёта. Даже и теперь они продолжают считать себя просто народом, занимающим остров к западу от европейского материка. Самая их манера выражаться постоянно указывает на то, что они не считают колонии своей действительной принадлежностью: например, когда их спрашивают о размере английского населения, им и в голову не приходит включить в него население Канады и Австралии. А между тем, в 1881 году около 10 миллионов английских подданных принадлежащих к европейской расе, жили вне Британских островов.

Огромное население Индии (198 миллионов человек) не составляет части Великой Британии в том смысле, как те десять миллионов англичан, которые живут вне Британских островов. В жилах этих десяти миллионов течёт английская кровь, и потому они связаны с Англией самыми тесными узами. Население Индии принадлежит чуждой англичанам расе и религии; оно соединено с Англией лишь связями завоевания. Когда мы думаем о Великой Британии будущего, мы должны гораздо больше иметь в виду колониальную, нежели Индийскую империю.

Лет через пятьдесят число англичан, живущих за морем (если только империя не распадётся), будет равно числу англичан, живущих на родине, и составит больше ста миллионов человек.²

... "если только империя не распадётся"... Империя начала распадаться после Первой Мировой войны (1914-1918) то есть меньше, чем через 50 лет. Но процесс этот занял больше 70 лет. К 1980-1981 годам с предоставлением независимости Родезии (теперь Зимбабве), Новым Гебридам (теперь Вануату) и Белизу процесс деколонизации в основном завершился. От прежней империи остались только разбросанные по всему миру островные владения и аванпосты. В 1982 году Канада обрывает последнюю юридическую связь с метрополией. "Акт о Канаде" 1982 года, принятый британским парламентом, говорит, что для внесения изменений в конституцию Канады больше не требуются какие-либо согласования с Британией. Подобные акты были приняты в 1986 году в отношении

² В 1919 году Соединённое Королевство управляло землями с общей численностью населения около 480 млн человек (это, примерно, одна четвёртая часть человечества). Правда, больше половины этого населения (около 250 миллионов человек) – это было чуждое Англии в культурном и в расовом отношении туземное население Индии и других неевропейских стран, которое отчасти уравнивалось независимым, но близким к английскому населением США (106 с половиной миллионов человек).

Австралии и Новой Зеландии... Сили ни словом не обмолвился о США – о стране, с населением в 50 миллионов человек, подавляющее большинство из которых составляли английские и ирландские иммигранты и их потомки.³ Понятно, что в политическом отношении это было самостоятельное государство, но культурные и генетические связи американцев с англичанами были в то время (и в последующие 100 лет) гораздо более прочными, чем связи с туземным населением Вест-Индии, например...

Я оставляю открытым вопрос относительно того, должна ли Англия радоваться своему распространению или сожалеть о нём. Ещё не настало время отвечать на этот вопрос. Но одно совершенно ясно и теперь: это великий факт новой истории. Было бы величайшим заблуждением воображать, что он имеет исключительно материальный характер, то есть что он не влечёт за собою никаких нравственных и умственных последствий. Люди не могут переменить своего местожительства, переселиться с острова на континент, с 50-го градуса северной широты в Южное полушарие, из старого общества в новую колонию, из громадных промышленных городов к сахарным плантациям и на пустынные овечьи пастбища в страны, где ещё бродят первобытные, дикие племена, – не изменив своих понятий, привычек и своего образа мышления, даже не изменив, отчасти, в течение нескольких поколений, своего физического типа. Мы уже знаем, что жители Канады, например, не вполне похожи на англичан, и возможно, что в двадцатом столетии, когда население колоний сравняется с населением метрополии (при условии, что связь между ними сохранится и сделается ещё теснее) сама Англия подвергнется значительным видоизменениям и преобразованиям.

Да, во второй половине XX века Англия подверглась "значительным видоизменениям и преобразованиям", а в начале XXI века "старая добрая Англия" фактически перестала существовать. То, что представляет собою английское королевство сегодня, – это уже не Англия...

Борьба Англии от времён Людовика XIV до Наполеона была борьбой за обладание Новым Светом; только благодаря тому, что мы не замечаем этого, большинство из нас считает восемнадцатое столетие английской истории малоинтересным.

Меня тоже история Англии XVIII века интересует гораздо меньше, чем история XIX века.

Утрата американских колоний оставила в умах англичан сомнение и опасение, которые значительно определяют их взгляд на будущность Англии.

Основания для сомнения были уже тогда: США развивались в промышленном отношении гораздо быстрее и гораздо интенсивнее, чем Англия. Основания для опасения нашли своё подтверждение сегодня – в 20-х годах XXI века. Соединённые Штаты Америки в качестве наследницы великой Англии фактически прекратили существование...

В будущем [то есть после 1883 года] перед Англией лежат две альтернативы: подобно США, её колонии могут сделаться независимыми государствами. Это поставило бы Англию на уровень ближайших континентальных держав: она имела бы население меньше, чем Германия, и едва равное населению Франции, тогда как два других государства – Россия и Соединённые Штаты – сделались бы величинами высшего

³ Иммигранты, родившиеся за пределами США, составляли в 1880 году около 6 с половиной миллионов человек, но и из них 2 с половиной миллионов человек (2 772 169) прибыли в США из Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии).

порядка; у России было бы вдвое большее население, чем у Англии, и Соединённые Штаты очень скоро достигли бы того же... Торговля Англии подверглась бы новым опасностям...

Несмотря на стремительный в то время подъём Германии, Сили верно предсказал, что в XX веке судьбы мира будут решаться в противостоянии России и США.

Другая альтернатива – Англия окажется в силах создать федерацию из стран, отдалённых друг от друга. В таком случае она станет вместе с Россией и Соединёнными Штатами в первом ряду по численности населения и обширности территории, она окажется выше других континентальных государств.

И будущее Содружество наций (до 1946 года – Британское Содружество наций) Сили тоже сумел предсказать!

Оставаясь во втором ряду по величине, Англия, быть может, в нравственном и интеллектуальном отношении, займёт место в первом. В таком случае лучше пожертвовать материальным величием.

Мы имеем несчастную привычку распределять исторические события по царствованиям. Мы делаем это механически даже и тогда, когда признаём или даже преувеличиваем незначительность монарха. Приводя в порядок и подразделяя какой-либо период истории, мы должны отбросить такие бесполезные заглавия, как: "Царствование королевы Анны" или "Царствование Георга I". Вместо них мы должны стараться установить деления, основанные на действительной стадии прогресса национальной жизни. Мы должны считать периоды не от короля до короля, а от одного великого события до другого.

При таком подходе история потеряет всякую стройность. Что считать "великим событием"? В политической истории это будет одно, в военной истории – другое; в истории литературы – одно, в истории физики – другое; в истории промышленности – одно, в истории торговли – другое и т. д. Все выделяемые таким образом периоды будут смешиваться, накладываться друг на друга, поглощать друг друга и т. д. Так, почему бы не вернуться к старой традиции и не писать историю по годам? Конечно, в один год может произойти очень много важных событий в разных областях жизни, а в десять последующих – не произойдёт ничего значительного. Ну, так и надо написать: "В этом году ничего значительного в истории Англии не произошло :-)" – не было крупных сражений, не умер никто из выдающихся людей, не появились великие литературные произведения, не было сделано никаких научных открытий, никакое строительство не было закончено, и вообще – никакого прогресса ни в одной области жизни замечено не было" :-)

При ближайшем исследовании великих событий мы замечаем, что они связаны между собою: события, хронологически близкие, обладают сходством.

Говоря о восемнадцатом столетии, я имею в виду период, начинающийся революцией 1688 года и кончающийся миром 1815 года. Расширение Англии в Новом Свете и в Азии составляет формулу, суммирующую для неё историю восемнадцатого столетия.

Англия не отвоевала Америки у какой-либо другой державы, уже обладавшей ею, но у неё был конкурент в деле колонизации – конкурент, который в некоторых отношениях опередил её; конкурентом этим была Франция. В 1606 году Яков I даёт хартию на основание Виргинии и позднее – на основание Новой Англии (1630), и примерно в то же

время французы основывают, несколько севернее, Канаду. А около того самого времени, когда Вильям Пенн (Penn) получил от Карла II свою хартию для Пенсильвании, француз Ля-Саль (La Salle) совершает один из замечательнейших подвигов в деле открытий: прокладывает себе путь от Великих озёр к истокам Миссисипи и, спустившись в лодках по всему течению громадной реки вплоть до Мексиканского залива, открывает огромную территорию, которая сейчас же делается французской колонией под названием Луизианы. Политический пророк, сравнивая положение двух колонизирующих держав во времена английской революции (и даже значительно позже), имел бы полное основание предсказать, что Северная Америка сделается достоянием Франции, а не Англии. В Индии французы тоже едва не опередили англичан. Англичане с самого начала чувствовали французское превосходство и сражались в духе отчаянной самозащиты. За каждым движением туземных государств англичане видели французскую интригу и французское золото, и, пока не овладели всей страной, не могли отделаться от чувства, что французы могут выгнать их оттуда. Тьюрго говорил, что колонии подобны плодам: когда они созревают – они отрываются от дерева.

В Мексике, Перу и других частях Южной Америки туземное население, хотя и слабое по сравнению с европейцами, было многочисленно; оно считалось миллионами, достигло земледельческой стадии и имело города. Индейские племена, бродившие по территориям Северной Америки, теперь составляющим Соединённые Штаты и Канаду, были гораздо менее значительны. Вычислено, всё индейское население территории Соединённых Штатов к востоку от Скалистых гор после открытия Америки никогда не превышало, трёхсот тысяч человек.

В некоторых книгах можно найти картины безжалостного истребления "плохими" колонизаторами "хороших" индейцев. Но следует помнить, что от неизвестных в Америке европейских болезней и от алкоголя – в Северной Америке погибло гораздо больше индейцев, чем в результате вооружённых стычек и войн... За 1500 лет жизни в Северной Америке индейцы так и не создали свою цивилизацию, оставаясь кочевниками, то есть, в глазах европейцев, – кровожадными дикарями. Кстати, о кровожадности: самая массовая в истории казнь была совершена именно вождём одного из индейских племён, по приказу которого у 20 тысяч пленников из соседнего побеждённого в войне племени были вырезаны сердца. Я вовсе не хочу представить колонистов "белыми и пушистыми", я просто хочу заметить, что в жестокости и кровожадности индейцы им не уступали...

В Новой Испании европеец, хотя и господствующий, жил среди населения, состоявшего из туземных индейцев. Европеец в Северной Америке вполне заступил место туземной расы, оттесняя её по мере своего движения и абсолютно не сливаясь с ней.

Великая Британия, несомненно, обладает одним основным элементом силы, которого недостаёт большинству империй и некоторых республик. Так, Австрия раздроблена национальным соперничеством германца, славянина и мадьяра, а Швейцарский Союз соединяет в себе три языка. Английская же колониальная империя по существу и в широком смысле является сплошь английской.

Увы! Индия так и не стала "сплошь английской". Скорее, современная Англия станет "сплошь индийской"...

В вест-индской группе колоний разница в национальности также значительна. Это почти единственная область английской империи, в которой замечаются последствия специфического явления в истории Нового Света – невольничества негров. Это та самая область, где оно впервые появилось в обширных размерах, как непосредственный результат открытия Америки. Пока рабство продолжалось, оно не вызывало национальных осложнений, так как окончательно порабощённая нация – более не нация, и бунт рабов – это нечто совершенно иное, чем восстание угнетённой национальности. Но теперь, когда рабство уничтожено и бывшие чёрные рабы стали свободными и заявляют требования на гражданство, – теперь этим колониям начинают угрожать затруднения, связанные с различием рас и национальностей.

Ещё одно предвидение, сделанное задолго до нынешних проблем США с меньшинствами...

Разве есть что-нибудь противоестественное во взгляде на государство как на организм, способный к беспредельному росту и расширению? Зрелый плод падает с дерева и даёт начало новому дереву, это вполне естественно, как естественно и превращение жёлудя в огромный дуб с сотнями сучьев и тысячами листьев.

Собственность может существовать только под охраной государства. Чтобы сделать земли Нового Света обеспеченной собственностью, нужно было создать там государства. При отсутствии государства поселенцы рисковали погибнуть от рук индейцев или подвергнуться нападению со стороны поселенцев враждебной расы.

Колонии – это земли для безземельных и благосостояние для тех, кто на родине был безземельным бедняком. Это очень простой взгляд, а между тем он упускается из виду; он слишком прост, чтобы быть понятным.

Англия страдает от избытка населения, а население постоянно растёт. И мы с тревогой спрашиваем себя: что же будет лет через пятьдесят? "Территория, – говорим мы, – есть величина постоянная; у англичан есть 120 000 кв. миль; они уже теперь переполнены народом, а между тем, население удваивается приблизительно через каждые семь-десять лет. Что же с ним станет?" Это любопытный пример английской привычки не принимать в расчёт колоний. Англия мала? Всего каких-нибудь жалких 120 тысяч квадратных миль? Я нахожу, что дело обстоит совсем иначе. Я нахожу, что территория, управляемая короной, почти беспредельна. Исключим Индию, в значительной мере закрытую для иммиграции, – и всё равно территория, подвластная короне, окажется значительно пространнее Северо-Американских Штатов, которые постоянно приводятся как пример страны, представляющей безграничный простор для расширения. Англичанам надо только занимать беспредельные территории Канады и Австралии. Там уже говорят на их родном их языке, исповедуют их религию и установлены их законы... Люди ломают себе головы над проблемой бедности, а когда кто-нибудь заговорит об их колониях, они наивно спрашивают: "Какая от них польза?"

Цивилизация неоднократно подвигалась вперёд на фоне великих исторических событий, в которых участвовали подряд несколько поколений. Такова была в Древнем мире война между Европой и Азией; таковы были крестовые походы в Средние века. Таковой же для западных европейских держав является борьба из-за Нового Света.

Наука найдёт в шестнадцатом, семнадцатом и восемнадцатом столетиях две великие причины, из которых каждая имела множество следствий; причины эти суть: Реформация и тяготение к Новому Свету.

Переселение само по себе есть дело частных лиц, и, как таковое, оно не касается правительств. Правительства могли закрыть глаза на все дела Нового Света. В таком случае великие авантюристы, может быть, сами основали бы государства, и тогда воздействие Нового Света на Старый было бы чрезвычайно ограничено. Новый Свет сделался политической силой громадной величины только благодаря вмешательству европейских правительств и благодаря их контролю над всеми государствами, основанными их подданными.

Размышляя о том, что могло бы быть, мы приходим к более ясному пониманию того, что действительно было.

Наполеон мало интересовался Европой. "Cette vieille Europe m'ennuie" (Эта старая Европа мне наскучила), – говорил он. Все его честолюбивые мысли были направлены на Новый Свет.

Почему же он тогда Луизиану продал?

Наполеон мечтал восстановить Великую Францию, павшую в борьбе XVIII столетия, и уничтожить Великую Британию. На свои завоевания в Европе он всегда смотрел как на исходную точку нового нападения на Англию. Изучая поход Наполеона в Россию, вы вынуждены согласиться, что это предприятие или вовсе не имело никакой цели, или же оно тоже было направлено против Англии.

Никто толком не знает, какие были планы у Наполеона и были ли они вообще. Чаще всего говорят о том, что конечной целью Наполеона было отнять у Англии Индию, а западная Россия была нужна ему как плацдарм для дальнейшего широкого наступления на юг. Но в таком случае логичным был бы союз с Россией, а не война с ней...

Дрейк (Drake) и Хокинз (Hawkins) провели всю свою жизнь на волнах того океана, который для их отцов был неизведанной и бесполезной пустыней. Теперь впервые можно было сказать об Англии словами из народной песни: "Путь её лежит по волнам океана". В то время, как Дрейк и Хокинз подают пример героизма и любви к странствованию по морям, Гемфри Джильберт (Humphry Gilbert) и Вальтер Ралей (Walter Raleigh) выказывают необычайные колонизаторские способности. В следующее царствование была основана Великая Британия, хотя ни Джильберту, ни Ралею не было суждено вступить в неё. В 1606 году Яков I подписывает хартию для Виргинии, а в 1620 году – хартию для Новой Англии, и затем очень скоро новая жизнь, воодушевившая Англию, её новые цели и новые ресурсы делаются столь явными, что обращают на себя внимание всей Европы.

Подобно тому, как мы теперь помещаем наши капиталы в железные дороги и другие предприятия, так в то время проникательный делец брал долю в новом судне, которое снарядилось в Плимуте и должно было подстеречь богато нагруженные испанские суда

или делать набеги на испанские города в Мексиканском заливе, хотя между Англией и Испанией не было объявлено настоящей войны.

Голландия разбогатела благодаря почти восьмидесятилетней войне с Испанией. Как же такое вообще возможно?! Дело в том, что война открыла Голландии для нападения все беспредельные владения соперницы в Новом Свете, которые в мирное время были бы закрыты для неё!

История всякого государства интересна только постольку, поскольку она изображает развитие. Однообразная политическая жизнь не имеет интереса, как бы счастлива она ни была.

Я постоянно задаю себе вопрос: как возникло то или другое предприятие, и почему оно увенчалось успехом? Я задаю эти вопросы, чтобы открыть законы, управляющие возникновением, расширением, благоденствием и падением государств. Я имею и другую цель: мне хотелось бы пролить свет на вопрос, будет ли Великая Британия в том виде, как она сейчас существует, процветать, продлится ли её существование или она распадется.

Обозревая рост Великой Британии, я не делаю ни малейших попыток прославлять завоевания или оправдывать средства, к которым прибегали мои соотечественники. Но совершаемые ими преступления были преступлениями, присущими тогда всякой колонизации. Великая Британия походит на другие империи, но в общем – её летописи не хуже, а скорее лучше, чем у большинства. Они явно чище летописей Великой Испании, бесконечно более запятнанных жестокостями и грабежом.

Предметы меняют свои очертания в зависимости от места, с которого мы на них смотрим; точно так же и история государства может принимать разнообразные формы: многое, казавшееся раньше малым, оказывается великим, а казавшееся тогда великим кажется сегодня малым; выступает то, что прежде было в тени, и скрывается в тень то, что прежде ярко выступало... Список великих событий, заучиваемых школьниками, – подвижен и изменчив... Что делает событие великим или малым? Необходимо выбрать критерий исторической важности событий: применение такого критерия при оценке их должно составлять главную задачу историка. Какой же критерий должны мы применить? Иногда говорят: "Историк должен придавать событиям то значение, которое приписывалось им в то время, когда они совершались; он должен возрождать чувства того времени". Я утверждаю, что это не дело историка. Какая в этом польза? Современники обыкновенно судят о великих событиях совершенно ложно...

Историк не должен быть романистом, но ещё хуже – если он газетный политик. Историк этого типа прислушивается к парламентским прениям, пристально следит за судьбой министерства и за результатом ближайшего голосования. Окончательная утрата Америки для такого историка – тоже событие первой важности: потому что оно влечёт за собою падение кабинета Норта (North)!

Какой же критерий исторического значения событий наиболее важен? По моему мнению, таким критерием должна быть важность последствий, могущих вытекать из них. Руководствуясь этим принципом, я старался доказать, что в восемнадцатом столетии

процесс расширения Англии гораздо важнее в историческом отношении, чем все домашние вопросы и движения...

Борьба с Францией гораздо грандиознее борьбы с Америкой; Наполеон, Нельсон и Веллингтон – более замечательные полководцы, чем вожди американской революции. А потому гораздо интереснее читать о Трафальгаре и Ватерлоо, чем о Саратогге и Йорктауне. Но исторические события классифицируются не по их занимательности, а по их чреватости последствиями.

Американская революция вызвала к жизни новое государство – государство, унаследовавшее язык и традиции Англии, но шедшее во многом своей дорогой, уклоняясь от пути не только Англии, но и всей Европы. Нигде в другом государстве свободная воля каждой отдельной личности не проявляется с такой силой и деятельностью, как в американской республике. Вот результат, который не только велик, но и величествен!

Нет более значительного вопроса, чем вопрос о взаимном влиянии этих двух ветвей английского народа. От решения этого вопроса зависит будущность планеты.

Возникновение и развитие государства – вот истинный предмет для изучения истории.

Именно такая история – военная и политическая – мне наименее интересна...

Долго думали, что Америка обладает каким-то волшебным талисманом, позволяющим ей избегать всех зол Европы. на самом деле всё очень просто: благоприятные условия жизни и сильные характеры.

Я добавил бы сюда демократию и полное отсутствие феодальных пережитков.

Теперь о Соединённых Штатах говорят, что никогда не существовало такого могущественного государства, что они сделались или сделаются господствующей державой мира.

Могущество Соединённых Штатов служит самым лучшим доказательством того, что государство может быть чрезвычайно обширным и, тем не менее, благоденствовать.

Я предсказываю в будущем могучие события. Произойдёт ли великий разрыв? Сделаются ли Канада и Австралия независимыми государствами? Откажется ли Англия от Индии? Или, быть может, произойдёт нечто противоположное, и Великая Британия достигнет более высокой формы организации? Быть может, разделённая столькими океанами, английская раса создаст, опираясь на новейшие научные изобретения, новую организацию, похожую на организацию Соединённых Штатов, при которой полная свобода и прочный союз совместимы с безграничным территориальным расширением?

Уроки времени учат в равной степени всех. Но должна же история, если она имеет какую-нибудь практическую ценность, хотя до некоторой степени предугадывать уроки времени! Мы все, без сомнения, задним умом крепки, но история для того и изучается, чтобы, по возможности, предвидеть события.

Ни одно великое дело, когда-либо совершённое англичанами, не носило такого непредумышленного и случайного характера, как завоевание Индии.

Мне не нравится выражение "владения Англии", так часто применяемое к нашим колониям. Если под Англией мы подразумеваем англичан, живущих в Англии, а под колониями – англичан, живущих за морем, то в каком же смысле можно сказать, что одни из этих людей принадлежат другим? Или, если, говоря об Англии, мы имеем в виду английское правительство, которому в конечном итоге подчинены и колонии, то с какой же стати будем мы говорить о подданных этого правительства как об его владении или собственности, раз они не сделались его подданными вследствие завоевания? Но такой взгляд не вполне применим к Индии, потому что Индия действительно подпала под власть правительства английских королей вследствие завоевания. Она была приобретена не путём заселения и колонизации, а рядом войн, оканчивавшихся уступками территорий в пользу Ост-Индской компании.

В каком же смысле Англия владеет Индией? В первобытные времена за завоеванием страны обычно следовало владение ею в буквальном смысле слова. Победители делались собственниками завоёванной территории. В таком смысле Индию нельзя назвать завоёванной страной. Англия не захватила земель в Индии и не раздала их англичанам, изгнав из них туземных владельцев. Я рассматриваю только то, каковы отношения, установленные законом между Индией и Англией, оставляя в стороне вопрос о том, насколько это отношение может быть искажено злоупотреблением.

Англия управляет Индией посредством индийских войск, оплачиваемых индийскими деньгами, так что собственно английская армия в Индии состоит всего из 65 000 человек.

Следует считать высшим счастьем для всякой страны, если она может спокойно заниматься своими делами, не будучи вынуждена следить за тем, что делают другие нации. Вашингтон очень разумно советовал своим соотечественникам как можно дольше хранить такое счастье.

Многие известные государственные люди, посвятившие свою жизнь индийским делам, считают, что английская империя в Индии недолговечна, что недалеко то время, когда англичане будут вынуждены удалиться из неё.

Прекращение торговли с Индией, которое закрыло бы гавани английским купцам, обошлось бы Англии в 60 миллионов фунтов ежегодно. Однако эти выгоды с избытком уничтожаются той тяготой, какую Индия налагает на иностранную политику Англии...

Вопрос о завоевании Индии кажется крайне трудным для понимания. В Индии было густое население, цивилизация которого, хотя и шла по другому руслу преемственности, но отличалась той же реальностью и древностью, как и цивилизация Европы.

Многочисленные примеры из европейской истории учат нас, что почти невозможно покорить умственно развитой народ, особенно если он всецело чужд покорителю и по

языку, и по религии. Всей силы Испании не хватило, чтобы в течение восьмидесяти лет покорить голландские провинции с их ничтожным населением...

Простую массу индивидуумов, не связанных между собою общностью чувств или интересов, подчинить нетрудно, потому что их можно восстановить друг против друга.

Английская победоносная армия состояла на четыре пятых из туземных войск, а самая возможность нанимать эти войска для службы объясняется тем, что в Индии не существовало чувства национального единства.

Англичане могут справедливо гордиться многими деяниями своих соотечественников в Индии и многими людьми, выказавшими редкую энергию и талант в управлении; но было бы заблуждением предполагать, что существование империи является незыблемым доказательством громадного превосходства английской расы над расами Индии.

Обширная восточная империя сама по себе не является чем-то интересным и исключительно важным. В Азии существовало много таких империй, которые в историческом отношении имели меньше значения, чем какой-нибудь греческий или тосканский город-республика. То, что они были обширны и существовали долго, ещё не делает их интересными. При ближайшем знакомстве мы находим, что они стояли на низкой ступени организации и оказывали такое давление на личность, что в них не было ни счастья, ни прогресса и не совершалось ничего достопамятного.

В наше время [1883] изобретения сплотили весь земной шар, и в лице России и Соединённых Штатов появилась новая форма [многонационального] государства, в гораздо большем масштабе, чем бывшие прежде.

Через полстолетия население России будет равняться приблизительно ста шестидесяти миллионам человек. К тому времени Россия и Соединённые Штаты превзойдут своим могуществом те государства, которые теперь считаются большими.

Мы не восхищаемся громадностью империи, ибо мы не видим основания, по которому самый факт больших размеров делает государство лучше; скорее, наоборот: мы знаем из истории что большинство обширных государств были [деспотическими] государствами низкого типа. В большинстве великих империй, упоминаемых в истории, мы находим мало славного, так как создавались они обыкновенно насилием и оставались на низком уровне политической жизни.

Все политические союзы существуют для блага их членов и потому должны достигать как раз той величины, при которой они остаются благодетельными, и отнюдь не большей.

Мы не понимаем, почему англичане обязаны сохранить свою империю только из чувства уважения к героизму тех, кто её создал.

Европейская Россия обладает населением в восемьдесят миллионов на территории с лишком в два миллиона квадратных миль, а в Соединённых Штатах такое же население проживает на территории в четыре миллиона квадратных миль. Правда, о России нельзя

сказать, что она представляет собою высокий тип организации; ей ещё предстоит пройти через политические испытания и преобразования; но американский союз уже показал себя вполне способным сочетать свободные учреждения с беспредельным расширением.

Так уж и "беспредельным"...

Я не пытаюсь делать историю "интересной", потому что нахожу, что этого нельзя сделать, не подделывая истории, не примешивая к ней лжи.

Я с большим удовольствием прочитал эти лекции. В них много интересных замечаний, с которыми не всегда можно согласиться, но они будят мысль – это главное. Интересно, что Сили ни разу не упомянул тот факт, что "расширение" повсюду было связано с приобретением новых территорий или, если быть более точным, – с приобретением новой земли. В эпохи, когда преобладающим занятием населения мира было сельское хозяйство, именно земля была главным источником богатства: больше территория – больше земли; больше земли – больше богатства... Но с распространением промышленности земля постепенно теряет свою основополагающую ценность, поэтому вовсе не удивительно, что даже в Англии в конце века раздаются призывы отказаться от колоний, и в первую очередь – от Индии как территории, от обладания которой было больше хлопот, чем пользы.
